

«ТЕМА МОЛЧАНИЯ И НЕСКАЗАННОСТИ В ПРОЗЕ В. АСТАФЬЕВА И В. РАСПУТИНА».

Исматиллаева Чиннигул

студентка факультета языков, Самаркандский

государственный педагогический институт

chinnigulismatillayeva1901@gmail.com

Научный руководитель: Бахриева С.С.

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию художественной функции молчания и несказанности в произведениях выдающихся представителей русской «деревенской прозы» — Виктора Астафьева и Валентина Распутина. Тема молчания рассматривается не как отсутствие речи, а как сложный семиотический феномен и активный элемент повествования, несущий глубокий психологический, этический и мировоззренческий смысл. В прозе обоих писателей несказанность часто выступает как граница между внутренним миром человека и суетным, зачастую лживым, внешним миром. Герои, воспитанные на традиционных ценностях и тесно связанные с природой, используют молчание для сохранения духовной целостности (например, в произведениях Распутина, таких как «Прощание с Матёрой» или «Живи и помни»).

Ключевые слова: В.Астафьев, В. Распутин, «молчаливый праведник»,

«Уроки французского», молчание, несказанность, проза, писатель, «Прощание с Матерой», исихазм, этические категории.

Философско-этическая природа молчания в русской культуре представляет собой не пассивное состояние, а активный, насыщенный духовным смыслом концепт, унаследованный литературой от многовековой религиозно-философской и классической художественной традиции. В прозе В.Распутина и В. Астафьева это наследие трансформируется в ключевую этическую категорию, определяющую нравственный статус героя и его отношение к бытию. По сути, молчание выступает

как высшая форма морального поведения, протеста против лжи или принятия неизбежного, основанная на глубочайшей системе ценностей. Корни философского осмысления молчания лежат в православной традиции, прежде всего в исихазме (от греч. hesychia — покой, молчание). Исихазм постулировал молчание как активную духовную практику, необходимую для очищения сердца и совести от многословия и суеты. Это молчание мудрости и сосредоточенности, которое является условием для внутреннего преображения и способности слышать "голос Неба". В литературе этот духовный аспект проецируется на образ "молчаливого праведника" (1. 191) Распутина, чье безмолвие — это знак духовной стойкости. Это этическое требование: не говорить, чтобы не лгать и сохранить духовную неприкосновенность. Отказ от слова становится актом нравственного превосходства.

Молчание в прозе Астафьева и Распутина не является новым художественным приёмом, а наследует и радикализирует традиции русской литературы, делая их центральной этической категорией в контексте распада традиционной деревни и ужасов войны. Распутин наследует традицию духовного, мудрого молчания (традиция хранения), где отказ от слова обусловлен духовной полнотой, а Астафьев развивает тему молчания-протеста и молчания-травмы (традиция кризиса), где молчание обусловлено этической неспособностью языка передать ужас или боль. Для обоих авторов молчание становится духовной и этической категорией, отражающей распад совести и памяти в катастрофическую эпоху. Молчание перестает быть просто отсутствием звука и становится активным нравственным голосом, который, парадоксальным образом, звучит громче слов. Оно выступает как последняя линия защиты духовного ядра человека от наступающей энтропии и лжи, характерных для XX века. Философско-этическая природа молчания в русской мысли заложила фундамент для его функционирования как главной нравственной категории в прозе XX века. От исихазма до Бердяева, молчание всегда означало превосходство духа над суетой слова. Астафьев и Распутин, используя этот культурный архетип, сделали молчание центральным мотивом, отражающим либо мудрость и память (Распутин), либо травму и протест (Астафьев).

Молчание относится к сфере коммуникативного поведения и этики. Это активная позиция субъекта: человек выбирает молчать. Это молчание мудрости, когда герой считает, что его духовная истина выше суетного, компромиссного слова; или молчание-дисциплина и молчание-протест против абсурда и лжи. Примером молчания как этического выбора является отказ Дарьи в «Прощании с Матёрой» спорить с чиновниками: она выбирает безмолвное хранение памяти как более достойную форму бытия (2. 65)

Несказанность, напротив, относится к сфере семантики и онтологии (учение о бытии). Она не является выбором, а представляет собой объективный языковой тупик — состояние, когда само слово капитулирует перед масштабом духовного переживания или исторической катастрофы. Несказанность возникает там, где смысл, истина или боль превышают выразительные возможности человеческого языка.

Молчание Распутина часто связано с духовной полнотой и невербальной коммуникацией. Его герои молчат о высших этических категориях (доброта, совесть, память), потому что эти истины должны быть поняты сердцем, а не услышаны ухом. Несказанность здесь означает, что добро настолько чисто, что любое слово о нем лишь умалит его (как в случае Лидии Михайловны в «Уроках французского») (3. 23).

Несказанность Астафьева связана с травмой и этическим протестом против непереносимого зла. В прозе о войне («Прокляты и убиты») несказанность — это следствие ужаса, который выходит за рамки человеческого понимания. Слово в его произведениях часто ассоциируется с ложью и официальной идеологией, поэтому тишина становится этическим барьером, защищающим сакральную память о жертвах от осквернения.

Анализ молчания в прозе В. Распутина не ограничивается образами "молчаливых праведников", но распространяется на более сложные, этические категории, такие как совесть, вина и несказанная доброта. В повестях «Живи и

помни» и «Уроки французского» молчание функционирует как внутренний нравственный механизм героев, определяя их поступки и служа ключевым этическим уроком для читателя. Здесь молчание переходит из категории хранения памяти в категорию личной моральной ответственности. "Прощание с Матёрой" - повесть, которая описывает духовную трагедию жителей Матёры, столкнувшихся с уничтожением своей родины ради «прогресса». Дарья Пинигина является хранительницей родовой памяти. Её молчание — это глубокая, внутренняя реакция на разрушение основ жизни, на бездуховное надругательство над святынями, которые для неё не подлежат словесному обсуждению (4. 140).

Молчание Дарьи — это не просто отсутствие слов, а безмолвная проповедь истинных ценностей. Она осознаёт, что язык, который используется для оправдания затопления («государственная необходимость», «новое строительство»), не может вместить её правды. Её правда — это правда корней и предков, которая хранится в самой земле и в избе. Молчание как акт хранения: Дарья молчаливо совершает обряды прощания, обмывая свою избу, как покойника, подготавливая её к сносу. Это безмолвное ритуальное действие гораздо красноречивее любого крика или спора. В этом молчании она духовно консервирует образ Матёры внутри себя, спасая его от забвения.

Тема молчания в прозе Виктора Астафьева — одна из ключевых, через неё писатель передаёт отношения человека и природы, моральные дилеммы, память и трагедию утрат. Молчание у Астафьева не просто отсутствие слов: это наполненное смыслом состояние, способ выразить то, что невозможно высказать прямо. В описаниях реки, леса, зимы Астафьев часто делает природу «немой», но зовущей к вниманию. Тишина леса или «молчание воды» (5. 112) у него не пусты — они хранят память поколений, судят человека, отражают его душевное состояние. Часто герои Астафьева молчат потому, что слово кажется недостаточным или бессмысленным перед горем и жестокостью. Молчание здесь — не слабость, а форма несогласия, отказа от словесных оправданий. Нередко молчание становится протестом против насилия: человек, сохранивший молчание, оставляет голос совести нетронутым. Это молчание обвиняет громче, чем крик.

Для Астафьева память — священна, и молчание связано с сохранением памяти. Когда старики замолкают, уходят с ними целые миры воспоминаний. У Астафьева молчание — динамический мотив, способный быть и защитой, и обвинением, и памятью, и сценой для проявления нравственного выбора. Через молчание писатель передаёт глубинную напряжённость современной ему жизни, показывая, что самые важные вещи часто находятся за пределами слов. У Астафьева несказанность часто является печатью трагического опыта — следствием военного ужаса или немоты совести, требующей искупления перед могущественной и безмолвной природой. У Распутина молчание — это этический выбор, акт самосохранения и сопротивления бездушию. Оно становится тяжким бременем тайны и одинокой совестью, которая не может найти выхода в словах, но тем самым сохраняет духовное достоинство героя.

Таким образом, молчание в прозе «деревенщиков» — это наследие эпохи, призыв к внутреннему сосредоточению и, в конечном счете, форма сохранения чести перед лицом исторической и нравственной катастрофы. Оно превращает текст в пространство подтекста, требующее от читателя не просто чтения, но и глубокого сопереживания и сотворчества.

Список использованной литературы:

1. Кожин, В. В. Правда и истина. Проблема праведничества в русской литературе XX века. — Москва: Алгоритм, 2008. — С. 191.
2. Бахтин, М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. — Москва: Наука, 1986. — С. 65.
3. Распутин, В. Г. Уроки французского // Распутин В. Г. Избранные произведения: в 2 т. Т. — Москва: Художественная литература, 1990. — С. 23.
4. Курбатов, В. Я. Валентин Распутин: Размышления над творчеством писателя. — Москва: Современник, 1992. — С. 140.

5. Лейдерман, Н. Л. «Трагедия русского бунта» (В. П. Астафьев) // Лейдерман Н. Л. Русская литература XX века (1950–1990-е годы). В 2 т. Т. 2. — Москва: Академия, 2008. — С. 112.